

Н.В.Летаева

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ О ПУШКИНЕ: Н.А.ОЦУП

Исследование оценки и восприятия творчества русских классиков русским зарубежьем остаётся актуальным в силу своей незавершённости. В статье предлагается интерпретация восприятия личности и творчества А.С.Пушкина Н.А.Оцупом, талантливым поэтом, мемуаристом, литературоведом, критиком первой волны русской эмиграции. Пушкин оказал влияние на поэзию Оцупа, что доказывают в том числе аллюзии к пушкинским художественным текстам. Пушкин привлекает Оцупа способностью синтезировать в творчестве абсолютную независимость и общественное назначение поэта и поэзии. В критических работах Оцуп называет Пушкина персоналистом. Творчество Пушкина, как и персонализм, представляет собой синергию религии, философии, поэзии и личности. Религиозное чувство помогает Пушкину воплощать в художественном произведении движение к Богу и через Бога — к человеку. Пушкин понимает христианство как спасение, просвещение, жизнь русского народа. Оцуп убеждён, что Запад и многие русские писатели и критики XX века недооценили Пушкина, художественную цельность, глубину и совершенство его творчества, его значение для России. Русская эмиграция, по Оцупу, должна была продолжать развитие пушкинской художественной парадигмы.

Ключевые слова: русское зарубежье, критика, А.С.Пушкин, Н.А.Оцуп, персонализм, православие, младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции

Творческое наследие Николая Авдеевича Оцупа, талантливого поэта, мемуариста и литературоведа, критика и известного деятеля русского зарубежья, ученика Н.Гумилёва и участника «Цеха поэтов», идейного вдохновителя и создателя литературных сборников «Числа», раскрывших младшее поколение русских писателей, поэтов, критиков первой волны русской эмиграции, представляет интерес не только для исследователей наследия русского зарубежья, но и для пушкинистов, изучающих эмигрантскую «жизнь» русского классика. Последний том «Литературной энциклопедии русского зарубежья» о восприятии и оценке всемирной литературы русской эмиграцией содержит исследование М.Филина, посвящённое Пушкину как источнику одного из впечатляющих достижений эмигрантской критики [1]. В работе М.Филина нашёл отражение корпус источников, в которых так или иначе звучит имя русского поэта в интерпретации деятелей русской эмиграции. Исследователь, включая имя Оцупа как одного из создателей поэтической Пушкинианы, не упоминает, однако, о критических работах Николая Авдеевича. В данной статье предпринимается попытка восполнить этот пробел, что и определяет актуальность исследования.

В творческой жизни Оцупа Пушкин занимает не последнее место. В большей степени влияние Пушкина на творчество Оцупа можно обнаружить в лирических текстах эмигрантского периода, когда поэт провозгласил: «Мы, русские эмигранты, сами по себе вряд ли имеем право на особое место в истории, но за нами Россия и её Пушкин» [2]. Однако уже в первом сборнике Оцупа «Град», отличающемся поэтическим влиянием Гумилёва, Северянина, Кузьмина, ощущается тяготение к пушкинским образам и мотивам. Как замечает Л.Аллен, стихотворение Оцупа «Я приснился себе медведем...» восходит ко сну Татьяны в «Евгении Онегине» [3]. Впоследствии, создавая в эмиграции поэму «Дневник в стихах», Оцуп обращается к архетипу «Евгения Онегина». Скрытых или явных аллюзий [4] к прецедентному тексту пушкинского романа в стихах немало особенно в первой части оцуповской поэмы, эпиграф к которой («И внемлет арфе Серафима / В священном ужасе поэт») поэт также заимствует у Пушкина. Эпиграф эксплицирует авторскую позицию в понимании роли и предназначения поэта. Обращаясь к Пушкину, Оцуп утверждает, что русский поэт сумел интегрировать разноречивые начала поэзии: с одной стороны, абсолютную независимость поэта и самодовлеющее значение его поэзии, с другой — общественное назначение поэта и поэзии и поиск гармонии художественного сознания.

О ком или о чём бы ни писал Оцуп — о Тютчеве или «серебряном веке» русской поэзии, Анненском или Гумилёве, Блоке или Есенине, — лейтмотивом в очерках Оцупа присутствует имя Пушкина. Подводя итоги своим размышлениям о Пушкине, нашедшим отражение в том числе в лекциях и публичных выступлениях, Оцуп посвящает ему значительную часть статьи «Персонализм как явление литературы», опубликованной в журнале русского зарубежья «Грани» и вошедшей в сборник «Литературные очерки» [2, с. 127-149]. В своей работе Оцуп провозглашает Пушкина персоналистом, сумевшим отобразить настоящие (не условные) ценности, в том числе в вопросах религии и смысла жизни, в противовес эгоистическому индивидуализму и стройным мировоззрениям, не изображающим, а воображающим жизнь в художественном произведении, а значит, моделирующим лживый образ человека-персонажа. Пушкин, по мнению Оцупа, чувствует ответственность за то, что воплощает на страницах своих произведений жизнь человека-существа, исполненного страха (что было, к слову, близко мировоззрению русских эмигрантов), отдаёт отчёт в том, что его творчество может быть оценено как завещание следующим поколениям (о чём свидетельствует не только пушкинская поэзия, но и, например, его «опровержения на критики» [5]). В Пушкине Оцуп видит поэта, не только связанного с культурой, осмысливающей мироздание, но и осознающего опасность подмены понятиями

добродушия, гуманизма и гуманности истинной религиозности как воплощения добра, борющегося с разрушающим духом смерти, породившим впоследствии нигилизм и экзистенциализм. Пушкин в этом отношении близок не только Оцупу, но и многим русским эмигрантам, ощущавшим, что в XX веке развернулась острая «борьба между Буддой и Христом, между нирваной и вечной жизнью» [6]. Пушкинское творчество снимает остроту этой борьбы, являет, как и персонализм, синергию религии, философии и поэзии. В позднем творчестве, отражающем мировосприятие зрелого поэта, явственно воздаяние за добро и возмездие за зло, описание «внутреннего человека», при этом Пушкин, согласно Оцупу, не прячась за своих героев, озвучивает свою позицию как действующее лицо своего произведения, являет «пример слияния поэзии с биографией» [7]. В творчестве Пушкина, где сознание определяет бытие, представлен «персонализм истории, раскрывающей в судьбе ищущего правды человека вечный замысел Творца» [2, с. 137].

В художественном мире Пушкина Оцуп отмечает «несравненную глубину», «мораль героического напряжения веры», «приятие мира во всей сложности борьбы двух начал», «непрерывный рост морального сознания у этого якобы безнравственного поэта» [2, с. 138, 141]. Здесь, вероятно, автор отсылает к неоднозначным и категоричным суждениям Б.Поплавского, представляющего младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции. Поплавский называет Пушкина одним «из великолепных мажорных и грязных людей возрождения», считает, например, повести Белкина «болтовнёй», в основе которой лежит стремление «к интересной жизни, к описанию всяких увязок и злоключений» [8], утверждает, что пушкинской эпохи не существует, что Пушкин «гораздо проще России», поскольку удачлив, ироничен, не трагичен [9]. На подобном отношении к Пушкину отразился, как считает Г.Адамович, «крах идеи художественного совершенства» как литературной «удачи», «развенчанной» историческим ходом развития России, и «то, что раньше пленяло, теперь стало смущать». Исполненная света, свободы, литературной непогрешимости, пушкинская парадигма художественности в русской литературе XX века вытесняется, поскольку, по убеждению Адамовича, не имела пути: в пушкинском творчестве «всё само в себя возвращается, всё само себе отвечает» [10]. Более того, Адамович убеждён, что гений Пушкина осмысливается в основном на фоне литературного творчества русских писателей, предшественников и последователей, отображающих «сумерки, мощь, варварство» российской действительности [10, с. 169].

Оцуп встаёт на защиту Пушкина от приписываемой ему творческой стагнации, убеждая, что русский поэт XIX века есть «пример самого сурового пересмотра ошибок молодости», покаяния в своём творчестве, векторность которого направлена на «постепенное движение ввысь и в глубину», поэтому добро и зло, свет и мрак в сознании, стремящемся от раздвоенности к цельности, и творчестве поэта «так же недвусмысленно противопоставлены друг другу, как в замысле Творца». «Насквозь пронизанный солнцем и присутствием Творца, редко называемого, но всегда воспеваемого с благодарностью за жизнь», мир Пушкина рассеивает «миражи болезненного мистицизма, он глубже любой мистики: он религиозно-первоначален» [2, с. 142, 140, 141]. Здесь речь идёт, полагаем, не только о мистической сущности романтизма пушкинской поры, в том числе и о метафизической интуиции лермонтовского творческого сознания, к которому откровенно тяготело, к слову, младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции, но и о «мистическом яде» Серебряного века, нашедшем отражение в творческих исканиях писателей русского зарубежья.

Религиозность Пушкина Оцуп видит в щедрости, благодарности, любви к живому, способной вызвать энергию самоотдачи. Пушкин не только эхо, которое отзывается на каждый звук, «Пушкин — в мире, стихи его сопутствуют жизни, не отставая от неё, но и не ища над ней возвыситься» [11]. Оцуп считает Пушкина поэтом цельным персоналистически, ответственным перед Богом и в Боге, верящим в смысл Провидения, не лгушим, имеющим духовно-гражданский облик, чувство государственности, мечтающим о праве всех на свободу, прежде всего на свободу в Боге или в приятии Божественного замысла, призывающим «милость к падшим». Пушкин воплощает любовь как самоотдачу, как движение к Богу и через Него — к человеку. Сравнивая Пушкина с русскими поэтами и писателями, например с Боратынским, Тютчевым, Достоевским, Толстым, символистами, Оцуп безапелляционно утверждает, что Пушкин выше своих современников и последователей, ибо ему, по утверждению критика, удаётся добиться в художественном пространстве своих произведений «предельной слитности с чудом жизни», «правды, непоколебимой как мироздание» [2, с. 139]. Оцуп сравнивает Пушкина и с псалмопевцем царём Давидом, с поэтами Эллады, Данте и, утверждая преемственность, вписывает русского поэта в широкий контекст мировой культуры. В сравнении Пушкина с Данте ощущается первенство последнего, приоритет его художественных свершений.

Говоря о религиозном чувстве, православном духе Пушкина, Оцуп старательно избегает сложившихся в русском зарубежье стереотипов относительно личности и творчества русского классика XIX века. Как утверждает М.Филин, «эмигрантскими усилиями Пушкину фактически навязывались пророческие функции (“учитель жизни”, “наше всё”), даже функции пророка величайшего и единственного (“сим победиши”). Если дореволюционные мыслители говорили преимущественно о “пророческом явлении” Пушкина, то теперь речь шла о явлении пророка» [1, с. 326]. Оцуп созвучен с суждениями епископа Александра (Семенова Тян-Шанского), что Пушкина не следует возводить «на высоты, на которые он сам не притязал восходить», создавать из поэта идола [12], и полагает, что исследователи творчества Пушкина нередко превышают свои полномочия, «домысливая» и «приписывая».

Пушкин, действительно, убеждённо и последовательно верит в силу христианства. Рассуждая в «Кавказском дневнике» о просвещении черкесов, Пушкин сокрушается о том, что русский человек, Россия в

целом недооценивает сокровище, которым обладает: «Есть наконец средство более сильное, более нравственное — более сообразное с просвещением нашего века, но этим средством Россия доньше не брежет: проповедание Евангелия. Терпимость сама по себе вещь очень хорошая, но разве Апостольство с нею несовместно? Разве истина дана для того, чтобы скрывать её под спудом? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мраке детских заблуждений,— и никто ещё из нас не подумал препоясаться и идти с миром и крестом к бедным братьям, доньше лишённым света истинного. Легче для нашей холодной лености в замену слова живого выливать мёртвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты» [5, с. 43–44]. В «Записках», где среди всего прочего содержатся рассуждения поэта о времени царствования Екатерины, находим: «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностю. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии; ибо напрасно почитают русских суеверными: может быть, нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек насчёт всего церковного. Жаль! ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, даёт нам особенный национальный характер» [5, с. 94]. Христианство для Пушкина, таким образом, не сводится к обрядовости, к формальному признанию православия частью культуры русского народа. Христианство в понимании Пушкина есть спасение, просвещение, жизнь. Религиозно-философскому осмыслению слова и миссии Пушкина посвящены статьи как поэтов, писателей, философов, так и духовных лиц русского зарубежья, например Вяч.Иванова, С.Франка, С.Булгакова, митрополитов Антония (Храповицкого), Анастасия (Грибановского). Представляется, что именно в этом аспекте Оцуп определяет Пушкина как «солнце, центр системы, в которой наиболее заметные для Европы планеты носят громкие имена Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова» [2, с. 145]. Заметим, что Оцуп хотя и ставит поэта в центр системы, имя которой русская литература, тем не менее не отделяет Пушкина от элементов этой системы.

Указывая на Пушкина как на центр, Оцуп ещё раз подчёркивает значимость Пушкина для всей русской литературы, в том числе и для литературы русского зарубежья. По мнению Оцупа, Запад, предпочитающий Достоевского и Толстого, недооценивает Пушкина и его значение для России. Модернизм, повернувшийся в большей степени лицом к Западу, потерял Пушкина, тайно и явно предпочитая Лермонтова, Тютчева, Боратынского. «Двоящееся сознание декадентов, символистов и их эпигонов не выносило солнечной ясности величайшего из русских поэтов» [2, с. 139]. Младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции, которому Оцуп отдал страницы своих «Чисел», шло дальше модернистов рубежа XIX—XX веков, отвергая «гипноз совершенства» (Г.Адамович) пушкинского творчества, его художественную цельность, глубину и гармоничное выражение мудрых прозрений, одухотворённое воздействие природы на человека во имя исповедальности и беспредельного самораскрытия внутреннего «я» писателя, безыскусности «человеческого документа». Искусство, цель которого лежит в местах возвышенных, было чуждо младшему поколению русских писателей первой волны эмиграции, и это беспокоило многих критиков русского зарубежья. «Пушкин слишком ясный и земной, слишком утверждает жизнь и слишком закончен в своей форме. Парижане ощущают землю скорее как ад и хотят разбивать всякие найденные формы, становящиеся оковами»,— писал Г.Федотов [13].

Оцуп считает эмигрантов продолжателями великой России, потому постоянно обращает внимание творческой личности к Пушкину как целителю, способному излечить «туманности» поэтов и писателей XX века своей ясностью. Оцуп надеется на обращение к русскому классическому художнику русского зарубежья, в том числе младшего поколения русских писателей. Оцуп убеждён, что Пушкин завещан не только России, но и всему миру, что к нему должно и нужно возвращаться, и прежде всего это должна сделать русская литература, даже если её дороги отклонились в сторону от магистрального пути, определённого Пушкиным. «<...> спасение человека наших дней связано с благодатным Пушкиным, укротителем хаоса, символом свободы, врагом ханжей, но и врагом приблизительных, декадентски-преступных заигрываний с Истиной». Поэт и его творчество, по мнению Оцупа, помогает выйти «к ясной, в столетиях утверждённой и вечно нуждающейся в обновлении вере в жизнь и в Бога» [7, с. 76, 77].

Оцуп, таким образом, видит в Пушкине национального поэта, сумевшего отобразить в пространстве своих текстов суть русского человека, соединить творческое и социально значимое. Оцупу импонирует пушкинский религиозный взгляд на мир, понимание роли православия в жизни русского народа. Последовательно олицетворяя в Пушкине Россию, Оцуп настаивает на сохранении пушкинских традиций в русской литературе, особенно в литературе русского зарубежья, активно увлекавшейся западными веяниями в искусстве первой трети XX века. Называя Пушкина персоналистом, Оцуп определяет его как творческую личность, способную предложить альтернативную западному влиянию на русскую литературу творческую парадигму.

1. Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940. Т. 4. Всемирная литература и русское зарубежье. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 326-336.
2. Оцуп Н.А. Персонализм как явление литературы // Оцуп Н.А. Литературные очерки. Париж, 1961. С. 149.
3. Аллен Л. «С душой и талантом...». Штрихи к портрету Николая Оцупа // Оцуп Н. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания / Сост., вступ. ст. Л.Аллена; Коммент. Р.Тименчика. 2-е изд. СПб.: Logos, 1994. С. 9.
4. Алексеева Л.Ф. Реминисценции и аллюзии в «Дневнике в стихах» Н.А.Оцупа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 77-85.
5. Пушкин А. Дневники. Автобиографическая проза. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 170-189.
6. Федотов Г.П. О смерти, культуре и «Числах» // Числа. Париж, 1931. № 4. С. 143.
7. Оцуп Н.А. Лицо Блока // Оцуп Н.А. Литературные очерки. Париж, 1961. С. 56.
8. Поплавский Б. По поводу... // Числа. Париж, 1931. № 4. С. 171.
9. Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Числа. Париж, 1930. № 2/3. С. 309-310.
10. Адамович Г. Комментарий // Числа. Париж, 1930. № 2/3. С. 167.
11. Оцуп Н.А. Ф.И. Тютчев // Оцуп Н.А. Литературные очерки. Париж, 1961. С. 5.
12. Епископ Александр (Семенов Тян-Шанский). Искусство в христианском мире (Памяти А.С.Пушкина) // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж, 1962. № 65. С. 20.
13. Федотов Г.П. О парижской поэзии // Ковчег: Сборник зарубежной русской литературы. Нью-Йорк: Изд-во Объединения русских писателей, 1942. № 1. С. 197.

References

1. Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya. 1918—1940. T. 4. Vsemirnaya literatura i russkoe zarubezh'ye [Literary encyclopedia of the Russian Diaspora. 1918—1940. Vol. 4. World literature and the Russian Diaspora]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2006, pp. 326-336.
2. Otsup N.A. Personalizm kak yavlenie literatury [Personalism as a phenomenon of literature]. Otsup N.A. Literaturnye ocherki [Literary essays]. Parizh, 1961, p. 149.
3. Allen L. "S dushoy i talantom...". Shtrikhi k portretu Nikolaya Otsupa ["With soul and talent ...". Traits to the portrait of Nikolay Otsup]. In: Otsup N. Okean vremeni: Stikhotvoreniya; Dnevnik v stikhakh; Stat'i i vospominaniya [The ocean of time: Poems; Diary in verse; Articles and memoirs]. St. Petersburg, Logos Publ., 1994, p. 9.
4. Alekseeva L.F. Reministsentsii i allyuzii v "Dnevnik v stikhakh" N.A.Otsupa [Reminiscences and allusions in the "Diary in verse" by N.A.Otsup]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Russkaya filologiya series, 2017, no. 5, pp. 77-85.
5. Pushkin A. Dnevnik. Avtobiograficheskaya proza [The Diaries. Autobiographical prose]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008, pp. 170-189.
6. Fedotov G.P. O smerti, kul'ture i "Chislakh" [About death, culture, and "Chisla"]. Chisla, 1931, no. 4, p. 143.
7. Otsup N.A. Litso Bloka [Block's persona]. Otsup N.A. Literaturnye ocherki [Literary essays]. Parizh, 1961, p. 56.
8. Poplavskiy B. Po povodu... [About...]. Chisla, 1931, no. 4, p. 171.
9. Poplavskiy B. O misticheskoy atmosfere molodoy literatury v emigratsii [About the mystical atmosphere of the young literature in exile]. Chisla, 1930, no. 2/3, pp. 309-310.
10. Adamovich G. Kommentarii [The comments]. Chisla, 1930, no. 2/3, p. 167.
11. Otsup N.A. F.I.Tyutchev. Otsup N.A. Literaturnye ocherki [Literary essays]. Parizh, 1961, p. 5.
12. Yepiskop Aleksandr (Semenov Tyan-Shanskiy). Iskusstvo v khristianskom mire (Pamyati A.S.Pushkina) [Art in the Christian World (In Memory of A.S.Pushkin)]. Vestnik Russkogo Studencheskogo Khristianskogo Dvizheniya, 1962, no. 65, p. 20.
13. Fedotov G.P. O parizhskoy poezii [About Parisian poetry]. Kovcheg: Sbornik zarubezhnoy russkoy literatury, 1942, no. 1, pp. 189-198.

Letaeva N.V. Russian Diaspora about Pushkin: N.A.Otsup. The research of perception of the creative work of Russian writers of the 19th century by literary criticism of the Russian Diaspora has not completed yet and remains to be relevant. The article explores the perception of A.Pushkin by the poet and critic of the first wave of Russian emigration Nikolay Avdeevich Otsup. Otsup as a poet was heavily influenced by Pushkin. A.Pushkin attracts N.Otsup by his talent to synthesize in works the absolute independence and public role of the poet and poetry. In critical works, N.Otsup calls A.Pushkin a "personalist". A.Pushkin's work, like a personalism, is the synergy of religion, philosophy, poetry and person. Religious feeling helps A.Pushkin to convey in the artistic works a movement to God, and through God to a person. A.Pushkin regards Christianity as a salvation, education and true life of the Russian people. N.Otsup is convinced that Western culture and many Russian writers and critics of the 20th century underestimated A.Pushkin and what he meant for Russian people. Russian Diaspora, according to N.Otsup, was to follow artistic paradigm of A.Pushkin's literary works.

Keywords: Russian Diaspora, literary criticism, A.S.Pushkin, N.A.Otsup, personalism, Orthodox, younger generation of Russian writers of the first wave of emigration.

Сведения об авторе. Н.В.Летаева — кандидат филологических наук, доцент; Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, факультет лингвистики и межкультурной коммуникации, кафедра лингвистики и переводоведения; letaewa.n@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 25.08.2018.